

Глава 68. Суд Круглого стола

В присутствии посторонних порядочный господин прокурор не мог позволить себе столь откровенную «процедуру», как раздевание перед доктором.

Ли Цзяньчуань слегка отстранился и окинул взглядом двух других игроков. Женщина в деловом костюме, не скрывая брезгливого выражения лица, уткнулась в маленькое зеркальце, которое держала в руках. Мужчина в костюме, напротив, встретился с Ли взглядом и дружелюбно улыбнулся.

Ли Цзяньчуань не стал задерживать на них внимание. Он щелкнул пальцем по маске клоуна, всё еще надетой на Нин Чжуня, и увел его в сторону.

— Как вы здесь оказались, Доктор Нин?

Нин Чжунь снял маску, обнажая черты лица, которые теперь казались куда мрачнее его истинного облика, и заговорщицки подмигнул.

— Я бы с радостью ответил, но вы только что вошли и, возможно, еще не знаете местных правил. Любое слово, касающееся игры, суда или истины, здесь безжалостно глушится.

Его взгляд потемнел, а на губах заиграла тонкая улыбка.

— Эта итерация ограничивает возможности для прямого противостояния и, что важнее, для объединения игроков. Редкий случай, я сталкивался с подобным лишь однажды.

— Например? — Ли Цзяньчуань вскинул бровь.

Нин Чжунь приподнял маску и тут же продемонстрировал всё наглядно.

— К примеру, я хочу сказать, что примерно пять минут назад я вышел из [Звук помех], где раздобыл зацепки. Там был [Звук помех], и я предполагаю, что [Звук помех]...

Ли Цзяньчуань внимательно следил за губами Нин Чжуня, пытаясь по мимике восстановить те части фразы, что поглотил резкий механический скрежет. Тщетно. Игра не оставляла лазеек: тонкие губы врача в моменты «цензуры» расплывались перед глазами Ли мутным пятном, словно их скрыла цифровая мозаика.

Ли Цзяньчуань сам попытался произнести пару фраз, но ответом ему был непрекращающийся писк, от которого заложило уши. Что касается письма, Ли Цзяньчуань попробовал было нацарапать что-то, но знаки тут же превратились в нечитаемое пятно мозаики. Даже если бы он попытался написать слова на тыльной стороне ладони, их могли заметить двое других, да и

почувствовать движения пальцев было невозможно — обратная связь от кожи попросту отсутствовала. Стало ясно: система коммуникации между игроками практически парализована.

Еще когда он пришел к выводу, что убийство игрока засчитывается только при нахождении в одной «двери», он начал морально готовиться к подобным трудностям.

«Трудно убить, трудно общаться»

«Иными словами, разгадка дела, скорее всего, кроется именно в обмене информацией, поэтому игра накладывала запрет, одновременно защищая игроков от гибели от рук соплеменников. Цели такой изоляции заслуживали глубокого осмысления»

Ли Цзяньчуань поправил темно-серую прядь на лбу, не выказав особого разочарования. Ему было ясно и другое: игровые ограничения — это лишь часть картины. То, что Нин Чжунь оказался в этой же итерации, не используя магический ящик, явно указывало на какую-то скрытую причину. Возможно, это было связано с теми обрывками памяти, в которых Ли еще не был уверен. Собеседник, разумеется, пока не спешил делиться секретами.

«В мире "Пандоры" ежесекундно запускаются тысячи сценариев, число игроков не поддается исчислению. Какова вероятность того, что Нин Чжунь попал именно сюда? Между нами наверняка существует некая принудительная связь, природу которой мне только предстоит выяснить»

— Вряд ли кто-то еще придет, — Нин Чжунь мельком взглянул на оставшуюся пару.

Эта фраза прозвучала чисто, без помех.

Пока Ли Цзяньчуань и Нин Чжунь обменивались двусмысленными репликами, проверяя систему на прочность, мужчина и женщина уже приступили к обыску гостиной.

На стене над телевизором висели часы, циферблат которых был разделен всего на три сектора. Очевидно, они отсчитывали те три часа, что были даны им на разгадку. Десять минут уже истекли.

— Я пришел первым. Через три минуты появилась женщина-судья, еще через минуту — адвокат. И последним — прокурор, — негромко перечислил Нин Чжунь.

Ли кивнул, анализируя полученные крохи информации. Судя по поведению врача, хоть игроки и оказывались в итоге в одном доме, их путь к этой гостиной был разным, как и собранные по дороге улики. Но поскольку теперь они не могли поделиться находками, каждый был предоставлен самому себе.

— Голова кругом... — вздохнул Ли Цзяньчуань, коснувшись лбом виска Нин Чжуня. Его взгляд скользнул по всё еще влажным губам того.

Голос Ли звучал холодно, но в нем проскальзывали низкие, интимные нотки — полуприказ, полупросьба, полная недвусмысленных намеков.

Нин Чжунь чуть приподнял веки, в его глазах вспыхнуло удивление. Он подался вперед, отвечая на короткий поцелуй, а затем, отстранившись, медленно оглядел лицо прокурора.

— Что ты пытаешься проверить?.. Закон?

— Закон. Или, точнее, вердикт системы, — коротко бросил Ли, стараясь не спровоцировать «запикивание».

Словно повинувшись невидимому соглашению, Нин Чжунь мгновенно уловил суть. Он не стал расспрашивать дальше, лишь заметил.

— Помнишь, я говорил, что Законы — это ограничения, в которых всегда оставлено пространство для маневра? Они не могут полностью парализовать игрока или войти в противоречие с обязательным сюжетом.

Нин Чжунь посмотрел Ли Цзяньчуаню в глаза. Его белые, длинные пальцы потянулись к горловине кителя Ли и медленно застегнули верхнюю металлическую пуговицу.

— Не волнуйся, — прошептал он чуть хрипло. — Брат.

Ли Цзяньчуань и впрямь не слишком беспокоился. Когда он вывалился из шкафа и увидел море огня, у него возникли определенные подозрения насчет закона «Запрещено напрямую касаться красных предметов». Огонь был неизбежной частью сюжета, с которой ему пришлось бы столкнуться при любом выборе. Он неизбежно коснулся бы алого пламени.

Если бы такой сюжетный ход вел к немедленной смерти из-за нарушения закона, игра бы противоречила сама себе. Значит, огненно-рыжий цвет не входил в зону действия запрета.

«Красный — это цвет с жесткими рамками»

Ли Цзяньчуань предварительно определил его как ярко-алый и кроваво-красный. А вот огненный, телесный или розовый оставались в безопасности. Поскольку Закон был неразрывно связан с его личностью прокурора и истиной дела, догадка казалась верной: под запретом стояло всё, что имело отношение к крови.

Впрочем, для бывшего натурала подобные изыски в духе палитры губных помад были сущим

наказанием. Но интуиция подсказывала: в этой игре он будет встречать красный цвет всё чаще и чаще. И вместо того, чтобы ждать, когда его загонят в угол, лучше было проверять границы дозволенного заранее.

— Да, — отозвался Ли Цзяньчуань. — Тебя подвезти?

Не успели слова сорваться с его губ, как Нин Чжунь привычно и быстро взобрался ему на спину. Устроившись поудобнее, он лениво опустил голову, уткнувшись лицом в шею Ли. Ощувив привычный вес, Ли Цзяньчуань начал методичный осмотр комнаты.

Если спальня и ванная, где он побывал раньше, были лишь частями жилища Рона, то теперь перед ним предстала остальная территория. Основное пространство занимала гостиная. Она была обставлена уютно, в теплых бежевых тонах, мебель была не новой, но содержалась в идеальной чистоте.

На тумбе под телевизором стояла ваза с засохшими розами. В центре комнаты располагались три дивана и журнальный столик, содержимое которого было сметено на пол. Повсюду блестели осколки стекла. И на диванах, и на столе виднелись обширные кровавые пятна.

Ли изучил осколки и под одним из диванов обнаружил окровавленную пепельницу. Судя по характеру следов, ею наносили частые удары, крепко зажав в руке. На балконе, примыкающем к гостиной, сушились вещи: мужская повседневная одежда и женское платье.

От кухни и столовой гостиную отделяла лишь стеклянная перегородка. Тот самый адвокат, о котором говорил Нин Чжунь, сосредоточенно что-то высматривал на кухне. Заметив вошедшего Ли, он снова одарил его мягкой, дружелюбной улыбкой, за которой скрывался образ совершенно заурядного человека.

Мужчина мазнул взглядом по Нин Чжуню, устроившемуся на спине Ли.

— Вы двое вместе?

Ли Цзяньчуань, поглощенный осмотром шкафчиков, не собирался отвечать, но Нин Чжунь вдруг подал голос.

— Положил на него глаз. Только что окрутил.

Адвокат, видимо, не часто встречал в игре столь стремительную любовь с первого взгляда. Он на мгновение опешил, а затем неловко усмехнулся.

— Что ж... это мило. В этом раунде игроки в относительной безопасности, так что можете спокойно налаживать отношения, не опасаясь подвоха.

— Я здесь закончил, не буду вам мешать, — со знающим видом добавил он и с улыбкой покинул кухню.

— Он что-то забрал, — Ли Цзяньчуань захлопнул дверцу шкафа с посудой.

Нин Чжунь, прильнув к его уху, усмехнулся.

— Он знает, что мы не можем по-настоящему его убить. В гостиной на нас смотрели другие, там действовать было неразумно. А здесь ему никто не мешал.

Несмотря на это, Ли и Нин не спешили. Они продолжали неторопливо изучать обстановку. Они намеренно дали фору остальным — пусть другие выполняют грязную работу, собирая явные улики. Ли не собирался мешать жирным овцам трудиться на его благо. В конце концов, зарезать их можно и позже, проявив при этом капельку вежливости.

На кухне зацепок было немного, но сама комната казалась подозрительно чистой. На стене у плиты лежал лишь тончайший слой гари, вытяжка выглядела почти новой. В шкафчиках, если слегка сдвинуть баночки со специями или посуду, виднелись отчетливые кольца пыли — верный признак того, что ими не пользовались вечно.

В холодильнике лежало всего пара видов свежих овощей, в остальном он был пуст. Становилось ясно: Наннали не была из тех женщин, что проводят дни у плиты.

К кухне примыкала небольшая кладовка, где уже успела изрядно перевернуть всё вверх дном судья. Ли Цзяньчуань всё равно зашел внутрь. Там громоздились упаковки туалетной бумаги, купленной по акции, мешки для мусора, веники и швабры — на первый взгляд, ничего необычного.

Ли методично осмотрел всё. На упаковках бумаги значилось «3+1 бесплатно», но в кладовке осталось всего три пачки. Одна исчезла. Возможно, семья Рона её использовала, а возможно, причина была в другом. Однако прокурор вспомнил ванную: у унитаза не было рулонов, а в мусорном ведре лежали лишь волосы, но почти не было бумаги.

Кроме того, один рулон мусорных пакетов был сильно смят — его вскрывали, а затем небрежно заклеили обратно. Ли принюхался: от пакетов исходил слабый, едва уловимый запах застоявшейся крови.

Швабра в углу тоже была грязной, почерневшей от сырости и какой-то мутной жижи.

Стоило Ли передвинуть вещи, как обнаружились скрытые отметины. Похоже, здесь разыгралась нешуточная борьба. Царапины на полу, следы от ногтей на стенах и скрытый за вещами отпечаток обуви — мужской размер.

Опираясь на найденные следы, можно было прийти к единственному выводу: Рон избивал жену, держал её взаперти и, в конечном итоге, убил. Но Ли Цзяньчуань не спешил ставить точку.

Выйдя из кладовки, он увидел, что адвокат включил телевизор в гостиной. По экрану крутилось заикленное видео. Женщина на записи — блондинка с впалыми глазами и изможденным лицом — была той самой Наннали, которую Ли видел раньше.

Судя по ракурсу, она снимала себя на телефон. На ней было платье на тонких лямках, рука, державшая мобильный, заметно дрожала, отчего картинка шла рывками.

В её взгляде читались ужас и отчаяние. Она горько улыбнулась в объектив.

— Простите меня, дорогие друзья. Наверное, мой вид напугал вас. Но, скорее всего, это наша последняя встреча. Потому что это видео... это моё предсмертное письмо.

Ли Цзяньчуань не отрывал взгляда от экрана.

— Болезнь Рона становится всё тяжелее. Я больше не в силах ему помочь. Всё начиналось с бессонницы и легкой нервозности, но теперь переросло в паранойю и бред. Он стал чересчур чувствительным, а его любовь ко мне... она превратилась в безумие.

— Он подозревает каждого мужчину, с которым я заговариваю. Он постоянно обвиняет меня в изменах, верит, что я разлюблю его и уйду. Чтобы успокоить его, я бросила работу, стала домохозяйкой, общаюсь только с соседкой.

— Но даже этого ему мало.

— О том, что со мной произошло... я верю, что полиция найдет достаточно улик. Я не хочу об этом говорить. Я очень люблю Рона... Рон не изменился, он просто болен. В моменты приступов он сам не ведает, что творит со мной... Пожалуйста, помогите ему...

— Надеюсь, Рон не станет винить меня за то, что я уйду. Я правда очень его любила...

Женщина разрыдалась, судорожно прикрыв рот рукой. На её пугающе худых руках виднелись синевато-багровые кровоподтеки, а на шее отчетливо проступала темная полоса — след от удушья.

Она прислонила телефон к стене, достала нож и, опустившись на пол, занесла лезвие над запястьем. Было видно, что её рассудок помутился: она выглядела отрешенной, шептала что-то бессвязное.

Удар — и по руке хлынула кровь. Она вскинула руку, и брызги попали прямо на объектив камеры. Экран мгновенно залило алым. Телефон упал, и на последних кадрах было видно, как по полу растекается густая багровая лужа. Плач Наннали затих.

Видео закончилось и началось заново. Адвокат нахмурился, а судья, издав холодный смешок, направилась на кухню. Ли Цзяньчуань и Нин Чжунь посмотрели запись еще дважды, а затем осмотрели угол, где стоял телефон.

Прошел почти час. Ли Цзяньчуань сканировал взглядом каждый сантиметр, сводя воедино разрозненные факты. Когда его взгляд скользнул к входной двери, он внезапно понял, что есть одно место, которое они преступно проигнорировали.

Прихожая.

То самое место, через которое входят игроки. Оно создавало эффект темноты под лампой, заставляя подсознательно исключать его из зоны поиска.

Ли Цзяньчуань вышел из гостиной и щелкнул выключателем в прихожей. Обстановка здесь была предельно простой: вешалка и обувница. Обувь — туфли на каблуках, кожаные ботинки, пара домашних тапочек — была разбросана в беспорядке. На крючках висело несколько курток и две женские сумки.

Мужчина быстро обыскал их. В одной из сумок он обнаружил акт медицинского освидетельствования побоев и несколько бланков с результатами психологических тестов. А в кармане мужского пальто Ли нашел пачку рекламных листовок.

Одна из них заставила его замереть. Это было объявление о наборе в детский кружок. Кто-то — вероятнее всего, Рон — обвел фломастером номер телефона и расписание занятий.

При виде этой листовки по спине Ли Цзяньчуаня пробежал ледяной холодок. Он осознал, что упустил из виду нечто фундаментальное.

Маленький стол в спальне, коробка с игрушками и торчащий из нее скейтборд, объявление о детских курсах... Все эти детали кричали об одном: у Рона и Наннали, скорее всего, был ребенок.

«Но где же он? Почему ни в видео Наннали, ни в обрывках памяти Дика не было ни единого упоминания об этом ребенке?»